ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРАМОТА

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2026. Том 19. Выпуск 6 | 2026. Volume 19. Issue 6
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Гендерные особенности языковой личности политического деятеля XVIII века (на материале переписки Екатерины II и Г. А. Потемкина)

Ян Хуа, Никитина А. Ю., Петрова О. А.

Аннотация. Цель настоящего исследования заключается в выявлении гендерно обусловленных особенностей языковой личности политических деятелей XVIII века на материале эпистолярного наследия императрицы Екатерины II и князя Г. А. Потемкина-Таврического. В статье последовательно рассматриваются три уровня языковой личности по Ю. Н. Караулову: вербально-семантический, лингво-когнитивный и мотивационно-прагматический. На каждом уровне анализируются особенности идиолектов корреспондентов: эмоционально-оценочная лексика, система обращений и интенсификаторов, концептуальные доминанты и способы моделирования действительности, а также различия в коммуникативных стратегиях. Особое внимание уделяется сопоставлению гендерных и статусных факторов, влияющих на речевое поведение участников переписки. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые выявлены и систематизированы гендерно обусловленные различия в структуре и функционировании двух идиолектов представителей высшей государственной власти XVIII века на основе трехуровневой модели языковой личности Ю. Н. Караулова, а также в уточнении их зависимости от коммуникативных задач и социально-ролевых установок. Полученные результаты показали, что языковая личность Екатерины II характеризуется выраженной диалогичностью, развитой системой эмотивных и аффективных средств, тенденцией к гипокористике, тогда как для идиолекта Г. Потемкина характерны лапидарность, доминирование делового и военно-административного регистра.

EN

Gendered characteristics of the linguistic personality of an 18th-century political figure (based on the correspondence between Catherine the Great and G. A. Potemkin)

Hua Yang, A. Y. Nikitina, O. A. Petrova

Abstract. The study aims to identify gender-conditioned features of the linguistic personality of 18th-century political figures based on the epistolary heritage of Empress Catherine the Great and Prince G. A. Potemkin-Tavrichesky. The article systematically examines three levels of the linguistic personality according to Yu. N. Karaulov's model: the verbal-semantic, the linguo-cognitive, and the motivational-pragmatic. At each level, the study analyzes the features of the correspondents' idiolects: evaluative vocabulary, systems of address and intensifiers, conceptual dominants and methods of modeling reality, as well as differences in communicative strategies. Special attention is paid to comparing gender and status factors that influence the speech behavior of the participants in the correspondence. The scientific novelty of the study lies in the fact that, for the first time, gender-conditioned differences in the structure and functioning of two idiolects of 18th-century state officials have been identified and systematized using Karaulov's three-level model of linguistic personality, and their dependence on communicative tasks and socio-role attitudes has been clarified. The results demonstrate that Catherine the Great's linguistic personality is characterized by pronounced dialogicity, a developed system of emotive and affective means, and a tendency toward hypocoristics, whereas G. Potemkin's idiolect is marked by lapidarity and a dominance of business and military-administrative registers.

Введение

Проблема репрезентации гендера в языке и дискурсе занимает одно из центральных мест в современной лингвистике, что обусловлено антропоцентрическим поворотом, утвердившимся в гуманитарном знании

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20260316

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

рубежа XX-XXI веков. Если на первоначальном этапе становления гендерной лингвистики основное внимание уделялось выявлению универсальных черт «мужской» и «женской» речи (работы Р. Лакофф (Lakoff, 2004), Д. Таннен (Tannen, 1990), Дж. Коатс (Coates, 2015)), то в настоящее время исследовательский фокус смещается в сторону изучения конкретных идиолектов в их социокультурной и исторической обусловленности. В этом контексте обращение к эпистолярному наследию XVIII века представляется особенно продуктивным: частное письмо, занимающее промежуточное положение между официально-деловым и разговорно-обиходным дискурсами, фиксирует индивидуальные речевые особенности корреспондентов в их непосредственности и одновременно отражает социокультурные нормы эпохи.

Актуальность настоящего исследования определяется устойчивым интересом современной антрополингвистики к реконструкции языковой личности исторических деятелей и необходимостью расширения представлений о гендерных механизмах организации русской эпистолярной коммуникации, что позволяет уточнить особенности формирования национальной языковой картины мира. Во-первых, переписка Екатерины II и Г. А. Потемкина 1769-1791 годов представляет собой уникальный по объему и содержательной насыщенности эпистолярный корпус, до настоящего времени изученный преимущественно в историческом и культурологическом аспектах (Лопатин, 1997; Елисеева, 2022). Во-вторых, изучение языковой личности правителя XVIII века в гендерном аспекте позволяет проверить продуктивность выработанных в современной гендерологии методологических подходов на материале исторически удаленной эпохи (Алексеев, 2021; Григорян, 2025). В-третьих, сопоставительный анализ идиолектов двух участников переписки, занимавших высшие государственные позиции, дает возможность дифференцировать собственно гендерные особенности от черт, обусловленных социальным статусом, образованием и индивидуальным речевым опытом (Анков, Вепрева, Гаранович и др., 2022).

Объектом исследования выступает языковая личность политического деятеля XVIII века в ее эпистолярной реализации. Предметом – гендерно обусловленные особенности идиолектов Екатерины II и Г. А. Потемкина, анализируемые на вербальном, лингво-когнитивном и мотивационно-прагматическом уровнях.

Для достижения поставленной цели предпринятого исследования решаются следующие задачи: 1) определить теоретико-методологические основания исследования и уточнить ключевые понятия; 2) описать вербально-семантический, лингво-когнитивный и мотивационно-прагматический уровни идиолектов языковых личностей политических деятелей; 3) сопоставить выявленные особенности с учетом гендерного параметра; 4) сформулировать выводы о соотношении гендерных, статусных и индивидуальных факторов в формировании языковой личности.

Теоретической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых в области теории языковой личности, идиостиля, гендерной и исторической лингвистики. Методологической основой исследования стала трехуровневая концепция языковой личности Ю. Н. Караулова, в рамках которой языковая личность рассматривается как единство вербально-семантического, лингво-когнитивного и мотивационно-прагматического уровней (Караулов, 2010), что позволило осуществить комплексный анализ эпистолярного наследия Екатерины Второй и Григория Потемкина. При исследовании индивидуально-авторских особенностей речи учитывались положения теории идиолекта В. П. Григорьева (1983), согласно которым совокупность устойчивых языковых средств отражает своеобразие личности автора и специфику его речевого поведения, т. е. идиостиль представляет собой иерархическую структуру («цепочку зависимостей») элементов, обусловленную сознательным стремлением автора к адекватному отражению своих мыслей и ощущений. В исследовании учтены важные труды в области гендерной лингвистики. А. В. Кирилиной (1999; 2005) разработаны основные подходы к изучению языковой репрезентации гендера и механизмов его проявления в коммуникации, работа Е. И. Горошко (2003) посвящена анализу гендерных особенностей речевого поведения и коммуникативных стратегий. Концепция Р. Лакофф (Lakoff, 2004) о существовании специфических характеристик женской речи и теория Д. Таннен (Tannen, 1990) о различиях в мужских и женских коммуникативных стилях использовались для интерпретации выявленных языковых особенностей переписки исследуемых исторических личностей. При изучении эпистолярного наследия XVIII века учитывались современные достижения в области исторической лингвоперсонологии. Базой исследования послужили труды, содержащие методологические принципы реконструкции языковой личности исторического деятеля на основе письменных источников (Курьянович, 2014; Рыбникова, Шунков, 2014). Существенное значение для исследования имели положения политической лингвоперсонологии, в которой языковая личность политического деятеля рассматривается как система коммуникативных стратегий и речевых практик, связанных с социальным статусом (Алексеев, 2021).

Выбор методов исследования обусловлен целью и совокупностью поставленных задач. Для формирования исследовательского корпуса применялся метод сплошной выборки, позволивший отобрать из эпистолярного наследия Екатерины Второй и Григория Потемкина-Таврического языковые единицы и речевые фрагменты, репрезентирующие особенности их языковой личности и речевого поведения. Количественный анализ использовался для подсчета частотности употребления лексических, стилистических и прагматических средств, а также выявления преобладающих тенденций в организации исследуемых идиолектов. Контекстуальный анализ позволил определить особенности функционирования языковых единиц, установить их смысловые и прагматические функции с учетом авторского замысла и специфики эпистолярного дискурса XVIII века. Метод сопоставительного описания применялся для выявления сходств и различий в вербально-семантическом, лингво-когнитивном и мотивационно-прагматическом уровнях языковой личности исследуемых корреспондентов,

а также для определения гендерно обусловленных особенностей их речевого поведения. Элементы стилистико-статистического метода использовались для комплексной оценки распределения стилистически маркированных языковых средств, эмоционально-оценочной лексики, этикетных формул и других речевых показателей, что позволило выявить закономерности функционирования идиолектов и установить их связь с гендерными характеристиками языковых личностей политических деятелей XVIII столетия.

Материалом исследования послужило издание «Екатерина Вторая и Г. А. Потемкин. Личная переписка (1769-1791)» (1997 г.), подготовленное В. С. Лопатиным и включающее 1162 письма и записки. Для анализа методом сплошной выборки было отобрано 200 эпистолярных единиц – по 100 с каждой стороны, репрезентирующих различные периоды переписки и тематические группы (любовные послания, деловые записки, политические послания).

Теоретическая значимость работы заключается в развитии методологии лингвоперсонологических исследований применительно к историческому материалу, а также в уточнении представлений о соотношении гендерного и статусного факторов в формировании языковой личности правителя.

Практическая значимость определяется возможностью использования результатов в вузовских курсах истории русского литературного языка, исторической стилистики, гендерной лингвистики, лингвоперсонологии, а также в подготовке академических комментариев к историческим эпистолярным источникам.

Обсуждение и результаты

1. Теоретические основания исследования

Изучение языковой личности относится к числу приоритетных направлений современной антропоцентрической лингвистики, в рамках которой язык рассматривается как форма репрезентации сознания, культуры и социального опыта человека. В отечественном языкознании концепция языковой личности получила развитие в трудах Ю. Н. Караулова (2010), В. И. Карасика (2002), В. В. Красных (1998), Г. И. Богина (1984) и других исследователей. Вместе с тем проблема языковой личности исторического деятеля остается сравнительно малоизученной, особенно в аспекте анализа гендерных, статусных и индивидуально-авторских характеристик.

Методологической основой настоящего исследования послужила трехуровневая концепция языковой личности Ю. Н. Караулова, согласно которой языковая личность понимается как «совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности и в) определенной целевой направленностью» (2010, с. 245). Исследователь выделяет три уровня языковой личности: вербально-семантический (лексикон, грамматический строй), лингво-когнитивный (тезаурус, картина мира) и мотивационно-прагматический (цели, мотивы, установки коммуникации). Такой подход позволяет рассматривать переписку Екатерины Великой и Г. Потемкина не как совокупность отдельных писем, а как целостную систему речевого поведения.

Гендерная лингвистика, оформившаяся как самостоятельное направление в 1970-е годы, исходит из положения о том, что речевое поведение мужчин и женщин обнаруживает устойчивые различия, обусловленные как биологическими, так и социокультурными факторами (Кирилина, 1999; Григорьева, 2025). К числу наиболее частотных характеристик «женского» речевого стиля относят следующие: преобладание эмотивной и оценочной лексики, активное использование диминутивов и гипокористик, развитую систему обращений и формул вежливости, склонность к диалогичности и кооперативным стратегиям, частотность модальных и хеджирующих конструкций. «Мужской» стиль характеризуется лапидарностью, преобладанием деловой и терминологической лексики, прямыми директивными актами, асимметрией в использовании этикетных формул (Горошко, 2003; Lakoff, 2004; Исина, Бейсембаева, 2023).

Вместе с тем современная гендерология подчеркивает контекстуальный и социально обусловленный характер этих особенностей: гендерный параметр взаимодействует со статусным, возрастным, образовательным и индивидуально-психологическим факторами (Кирилина, 2005; Анков, Вепрева, Гаранович и др., 2022; Григорян, 2025). В работах последних лет особенно акцентируется отказ от жесткой бинарной модели и переход к перформативному пониманию гендера, что повышает значимость учета дискурсивных, ситуативных и социальных переменных при анализе исторического материала. Применительно к материалу XVIII века это означает необходимость учета норм куртуазного дискурса, регулировавшего речевое поведение представителей правящей элиты.

2. Вербально-семантический уровень

В концепции Ю. Н. Караулова (2010) вербально-семантический уровень языковой личности представляет собой совокупность лексических, грамматических и словообразовательных средств, посредством которых реализуется речевое поведение индивида. Исследование данного уровня позволяет выявить наиболее устойчивые особенности идиолекта, определить круг предпочтительных языковых единиц и установить закономерности их функционирования в коммуникации.

Анализ лексикона Екатерины II и Г. Потемкина обнаруживает существенные различия. Речь Екатерины II отличается богатством эмоционально-оценочной лексики и обилием диминутивных и гипокористических образований. Императрица обращается к Потемкину, используя широкий спектр аффективных номинаций: *голубчик*, *душа моя*, *батинька*, *милой друг*, *золотой*, *бесценный*, *сокол ясной*, *лев в тростнике*, *папа*, *милюшичка*,

милюша, *Госп[один] Богатырь*, *мой прекрасный золотой фазан* и др. Только в одном письме от марта 1774 года встречается до семи различных ласкательных обращений. Ср. характерные фрагменты: *«Голубчик мой милюша, я думаю, что мы здоровы будем; ласкаюсь и тем, что Вы меня немножко любите, но всячески прошу не забыть Гришеньку»*; *«…Но, как бы то ни было, как я ласкова, то от Вас зависит платить нас неравной монетою. Гяур, Москов, козак яицкий, Пугачев, индейский петух, павлин, кот заморский, фазан золотой, тигр, лев в тростнике»*; *«Гяур, москов, казак. Казак, москов, сукин сын [?].} и все на свете брани, а ласки ни одной нету. Я пошлю по Баура»*. Подобные номинации выполняют несколько функций: 1) являются средством эмоциональной оценки адресата; 2) способствуют поддержанию интимно-доверительного общения; 3) отражают индивидуально-авторскую языковую игру.

Идиолект Потемкина в части аффективной лексики существенно беднее. Хотя ласкательные обращения у него также встречаются (*матушка*, *государыня моя*, *жизнь моя*, *моя кормилица*, *моя матушка родная* и др.), их репертуар ограничен преимущественно тремя-четырьмя устойчивыми формулами, и они часто соседствуют с этикетным «*всемилостивейшая государыня*». Количественный анализ показывает, что уменьшительно-ласкательные суффиксы у Г. Потемкина фиксируются примерно в 2,5 раза реже, чем у императрицы (43 и 109 случаев на 100 писем соответственно). Это свидетельствует о большей стандартизованности его речевого поведения и ограниченном использовании экспрессивных словообразовательных моделей. Важная особенность идиолекта Г. Потемкина – преобладание военно-административной и терминологической лексики: *полк*, *лагерь*, *диспозиция*, *фураж*, *провиант*, *крейсировать*, *эскадра*, *артиллерия морская*, *наместничество* и др. Данные лексические единицы отражают профессиональную сферу деятельности автора и формируют его деятельностную картину мира, в центре которой стоят вопросы государственного управления и военной организации.

Существенным маркером гендерной асимметрии выступает использование интенсификаторов и оценочных прилагательных. У Екатерины частотны эмоциональные интенсификаторы *чрезвычайно*, *крайне*, *безмерно*, *несказанно*, *преизрядно*, образующие устойчивые сочетания с глаголами эмоционального состояния: *чрезвычайно рада*, *безмерно люблю*, *несказанно благодарна*. У Потемкина преобладают рациональные интенсификаторы *весьма*, *отменно*, *довольно*, употребляемые преимущественно в деловых контекстах. Данный факт коррелирует с преобладанием информативной функции его писем.

В переписке заметна также разница в плотности заимствованной лексики. Екатерина II, выросшая в немецкоязычной среде и владевшая французским как языком повседневного общения, активно использует галлицизмы и калькированные обороты (*en passant*, *tête-à-tête*, *par parenthèse*, *que voulez-vous*), часто переключаясь на французский в эмоционально маркированных фрагментах, что выполняет экспрессивную функцию в текстах: *«Я Вам рада и Вами не embarrasuрована* (не стеснена. – *Я. Х., А. Н., О. П.*). *Но мне была посторонняя досада, которую Вам скажу при случае»*; *«Военным людям потакал во всякой индиссиплине, об штатах никаких не думал ни он, ни подчиненные его, кои рыбу ловили в мутной воде»*. В идиолекте Г. Потемкина иноязычные вкрапления встречаются крайне редко (*«Я видел, что приезд мой Вас амбарасировал* (от фр. embarrasser – стеснять. – *Я. Х., А. Н., О. П.»*) и связаны главным образом с военной и дипломатической лексикой (*обер-камергер*, *эскадрон*, *коллегия* и др.). Это свидетельствует о функциональном характере использования заимствованной лексики и отсутствии у автора интенции в стилистической языковой игре.

Таким образом, исследование вербально-семантического уровня показало, что идиолект Екатерины Второй характеризуется богатством эмоционально-оценочной лексики, высокой продуктивностью диминутивных образований, использованием иноязычных элементов. Для идиолекта Г. Потемкина более типичны стандартизованность аффективных средств, преобладание военно-административной лексики, рационально ориентированных оценочных конструкций.

3. Лингво-когнитивный уровень

Согласно концепции Ю. Н. Караулова, лингво-когнитивный уровень языковой личности отражает систему знаний, ценностей и представлений субъекта о мире, организованных в виде индивидуального тезауруса (Караулов, 2010). На данном уровне особое значение приобретают доминирующие концепты, способы категоризации действительности, особенности метафорического моделирования и языковые средства репрезентации внутреннего мира личности. Анализ эпистолярного наследия Екатерины II и Г. А. Потемкина показывает, что различия между их идиолектами проявляются не только в выборе лексических средств, но и в специфике концептуализации окружающей действительности.

Тезаурус Екатерины II характеризуется преобладанием концептов социально-личностной сферы: ЛЮБОВЬ, ДРУЖБА, ВЕРНОСТЬ, ПРЕДАННОСТЬ, СОГЛАСИЕ, ЧЕСТЬ, СЛАВА. Эти концепты образуют ядро ее языковой картины мира и регулярно актуализируются в различных коммуникативных ситуациях. Так, эмоциональная доминанта эксплицируется в высказываниях: *«Я тебя люблю чрезвычайно»*, *«Одним словом, ласка наша есть наичистосердечнейшая любовь и любовь чрезвычайная»*. Особенно показательно признание: *«Я его не люблю, а есть нечто чрезвычайное, для чего слов еще не сыскано. Алфавит короток и литер мало»*; *«Голубчик мой дорогой, я Вас чрезвычайно люблю, и хорош, и умен, и весел, и забавен; и до всего света нужды нету, когда с тобою сижу»*. Данные фрагменты представляют собой пример языковой рефлексии, когда автор осознает ограниченность языковых средств для передачи сложного эмоционального состояния. Подобные конструкции свидетельствуют о высокой степени интроспекции и ориентации на внутренний мир личности.

Существенное место в когнитивной организации речи Екатерины II занимают ментальные предикаты и конструкции, выражающие субъективную оценку происходящего: *«я думала»*, *«мне кажется»*, *«я чувствую»*,

«сердце мое», *«душа моя радуется»*. Использование подобных единиц демонстрирует тенденцию к постоянному осмыслению собственного эмоционального состояния и состояния адресата, что соответствует наблюдениям исследователей гендерной коммуникации о повышенной роли рефлексивного компонента в женском речевом поведении.

Важной особенностью идиолекта императрицы является развернутая метафорическая система. Значительная часть образов связана с животным и природным миром: *«голубчик»*, *«сокол ясной»*, *«лев в тростнике»*, *«индейский петух»*, *«павлин»*, *«кот заморский»*, *«фазан золотой»*, *«тигр»*. Например, в одном из писем Екатерина создает целую цепочку игровых номинаций: *«Гяур, Москов, козак яицкий, Пугачев, индейский петух, павлин, кот заморский, фазан золотой, тигр, лев в тростнике»*. Подобные метафоры выполняют не только экспрессивную, но и когнитивную функцию, позволяя автору моделировать индивидуальный образ адресата посредством культурно значимых символов силы, храбрости, красоты и исключительности.

Концептосфера Потемкина организована иначе. Ее ядро образуют концепты деятельностной и государственно-политической сфер: СЛУЖБА, ДЕЛО, ДОЛЖНОСТЬ, ПРИКАЗ, УСПЕХ, ПОБЕДА, АРМИЯ, ГОСУДАРСТВО. В его письмах преобладают деятельностные предикаты, отражающие ориентацию на практический результат: «приказать», «исполнить», «донести», «отправить», «получить», «распорядиться». Соответственно, в текстах писем глаголы и конструкции, описывающие внутренние переживания, используются значительно реже.

Специфику когнитивной организации речи Потемкина отражает и его метафорическая система, тесно связанная с профессиональной сферой деятельности. В письмах регулярно встречаются единицы, восходящие к военному и морскому делу: «эскадра», «крепость», «флот», «корабль», «лагерь» (*«Желал я принесть в поздравление лагерь турецкий в Табаке бывшей на 22 число славной Вашей коронации, но ушел неприятель и везде запирается в крепости»*, *«Флот в одном месте лутче будет, потому что, разделяя части, и внимание и заботы умножаются»*, *«Сия часть Империи Вашей, будучи, так сказать, в сущем еще младенчестве, однако ж содержит все чины и расходы по наместничеству, выплачивает отпущенные три миллиона на строение крепостей и прочих зданий в Тавриде»*). Подобная лексика отражает особенности его жизненного опыта и доминирование государственной проблематики в структуре языковой личности.

Однако анализ материала показывает, что в наиболее эмоциональный период переписки (1774–1776 гг.) идиолект Потемкина частично сближается с идиолектом Екатерины II. В письмах этого времени появляются аффективные формулы и эмоционально окрашенные образы: *«жизнь моя»*, *«моя матушка родная»*, *«моя кормилица»* (*«Будь, моя матушка родная, здорова и во всяком удовольствии»*, *«Моя матушка родная, я право Вас люблю, как душу. Не гневайся на меня»*, *«Помни, кормилица, того, кто душей и телом твой во веки вернейший раб»*). Подобные единицы ярко свидетельствуют о том, что личностный фактор способен временно ослаблять влияние социально-ролевых установок и усиливать эмоциональный компонент коммуникации.

В письмах особый интерес представляет различие в концептуализации времени. У Екатерины II временная перспектива тесно связана с эмоциональными переживаниями и ожиданием встречи с адресатом: *«четыре дни без вестей»*, *«целую неделю не имела утешения»*, *«четыре ночи его не имели»* (*«Третья неделя, как я от Вас не имею не единой строки, почему нахожусь в великом душевном безпокойстве столько по делам, как и о Вашем здоровье»*, *«Милуша, я весела, я не сержусь, да и не за что. Гришенька премилый, вчерашний день не выключу из числа дней щастливых, ибо кончился весьма приятно. Хотя бы и впредь бы так было. Я, душенька, буду уступчива, и ты, душа моя, будь также снисходителен, красавец умненький»*). Время в ее письмах выступает как особый субъект и является мерой интенсивности чувства. Для Г. Потемкина же характерна событийная организация временного пространства: *«по получении сего»*, *«к завтрему»*, *«через две недели поход»* (*«Завтре я донесу, как лутче по моему мнению с ними поступить»*). Здесь время служит средством организации деятельности и планирования государственных или военных мероприятий.

Следует отметить, что указанное различие соотносится с наблюдениями Е. И. Горошко (2003) о субъективно-психологическом восприятии времени в женском дискурсе и событийно-деятельностном принципе его организации в мужской коммуникации. Вместе с тем материал исследования показывает, что подобное противопоставление не является абсолютным. Государственная деятельность Екатерины II нередко обусловливает использование объективированного временного кода, тогда как личная переписка Г. Потемкина может включать субъективно окрашенные временные характеристики. Это свидетельствует о взаимодействии гендерного и статусного факторов в организации языковой личности.

Таким образом, анализ лингво-когнитивного уровня показал, что языковая личность Екатерины Второй ориентирована преимущественно на сферу межличностных отношений и эмоциональной рефлексии, тогда как языковая личность Григория Потемкина в большей степени связана с концептами государственной деятельности и практического действия. Вместе с тем выявленные особенности не сводятся исключительно к гендерным различиям: их формирование обусловлено взаимодействием индивидуально-авторских, статусных и культурно-исторических факторов.

4. Мотивационно-прагматический уровень

Мотивационно-прагматический уровень языковой личности, согласно концепции Ю. Н. Караулова (2010), отражает систему коммуникативных целей, мотивов и интенций говорящего, реализуемых посредством определенных речевых стратегий и тактик. Анализ эпистолярного наследия Екатерины Второй и Г. Потемкина показывает, что прагматическая организация писем корреспондентов обнаруживает гендерную асимметрию,

которая проявляется в различной степени диалогичности, в выборе коммуникативных стратегий, особенностях самопрезентации и степени диалогизации.

Письма Екатерины II характеризуются выраженной диалогичностью: императрица постоянно апеллирует к адресату, задает вопросы, ожидает ответной реакции, эксплицирует собственные эмоциональные реакции на полученные послания. Характерны конструкции *«пожалуй, отпиши»*, *«не премини уведомить»*, *«жду от тебя письма»*, метакоммуникативные комментарии (*«Я долго писать не могу»*, *«Прости, не пеняй за краткость»*, *«Пишу второпях»*). Подобного рода высказывания ориентированы на продолжение общения и подтверждение эмоциональной связи между корреспондентами, формируют образ искреннего и открытого собеседника. Доля вопросительных высказываний в ее письмах составляет около 14%, что значительно превышает соответствующий показатель у Потемкина (около 5%).

Изучение личной переписки императрицы Екатерины Великой и ее фаворита показывает, что доля директивных и репрезентативных речевых актов в его письмах превышает 70%, тогда как у Екатерины II этот показатель не достигает 50% – за счет значительной представленности экспрессивов и комиссивов (*«обещаю»*, *«уверяю»*, *«не сомневайся»*). В ряде случаев личностное содержание высказывания оказывается важнее передачи фактической информации (*«Прочитав, душатка, твои письмы, нетрудно решиться: останься со мною. Политичные же твои предложения все весьма разумные»*; *«Душенька, я взяла веревочку и с камнем, да навязала их на шею всем ссорам, да погрузила их в прорубь. Не прогневайся, душенька, что я так учинила. А буде понравится, изволь перенять. Здравствуй, миленький, без ссор, спор и раздор»*; *«Яур, москов, казак, хочешь ли мириться? Протяни руку, естьли бешенство прошло и в тебе осталась искра любви. Естьли нету, пошлю по твоего зятя. Яур, казак, москов»*). Коммуникативной целью подобных высказываний является не сообщение нового знания, а демонстрация эмоциональной вовлеченности и укрепление межличностной связи.

Для прагматической стратегии Екатерины II характерно также использование тактик коммуникативной заботы и самоуничижения. Несмотря на высочайший социальный статус, императрица нередко прибегает к формулам *«не сердись»*, *«не взыщи»*, *«прости меня»*, *«не прогневайся»*, *«я виновата»*, смягчающим возможный коммуникативный конфликт и создающим атмосферу доверительного общения: *«Прощай, мой друг, Бог с тобою. Не сердись за присылку, ибо от самого доброго намерения»*, *«Простите, что я надоедаю вам, сердце мое…»*. В данном случае гендерный фактор взаимодействует со стратегией поддержания гармоничных межличностных отношений.

Следует отметить, что в письмах императрица варьирует подпись в зависимости от тональности письма: *«Е»* (в интимных записках), *«Екатерина»*, *«Матушка твоя верная»*. У Григория Потемкина набор подписей строже и официальнее: *«вернейший раб»*, *«верный подданный»*, *«нижайший раб»*, *«Вернейший и благодарнейший подданный»*, и лишь в наиболее аффективных контекстах появляются эмоциональные формулы (*«Твой до смерти»*, *«По смерть вернейший подданный»*, *«Прости мне, безценная благотворительница. Я по смерть вернейший и благодарнейший подданный»*).

Стратегия Григория Потемкина имеет преимущественно информативный и монологический характер. Значительную часть его писем составляют сообщения о ходе военных действий, административных мероприятиях и государственных делах. Коммуникативная задача автора заключается прежде всего в передаче сведений, информировании адресата и выработке совместных управленческих решений. В его письмах преобладают репрезентативные и директивные речевые акты: сообщения, распоряжения, просьбы, рекомендации и предложения относительно практической деятельности: *«Получил я от Графа Панина дошедший к нему рапорт от Суворова и на тот его ответы. Он желает ведать: Вы изволите найтить их достаточными или что отвечать прикажете»*; *«Матушка родная, позволь полюбопытствовать, был ли у Вас вчера Елагин. Да пожалуйте на минуту план Вашей бани»*. Даже в личной переписке Потемкина значительное место занимает деловая проблематика. В текстах регулярно обсуждаются вопросы организации армии, обеспечения войск, управления территориями и дипломатических отношений. Доминирование подобных тем обусловливает высокую частотность деятельностных конструкций и снижает долю эмоционально окрашенных высказываний: *«Матушка моя безпримерная, скажите Князю Вяземскому, чтоб уже он не торговал больше Пудваши. Да нельзя ли ему приказать об Осиновой Роще»*.

Важной прагматической особенностью писем Екатерины Второй и Г. Потемкина является использование местоименных форм ты и вы. Императрица достаточно свободно переключается между ними, используя выбор местоимения как средство изменения коммуникативной дистанции: *«Гришенька, здравствуй. Я здорова и спала хорошо, и в первом слове не ошиблась, а написала по Вашему представлению. Боюсь я – потеряешь ты письмы мои: у тебя их украдут из кармана и с книжкою»*; *«А я тебя за то, что всклепал на меня спесь, тебя накажу поцелуем прямо в губы. Я здорова и радуюсь об Вашем здоровье»*; *«Гришенок бесценный, беспримерный и милейший в свете, я тебя чрезвычайно и без памяти люблю, друг милой, цалую и обнимаю душою и телом, му[ж] доро[гой]»*. Г. Потемкин, напротив, последовательно разграничивает официальную и интимную сферы общения: форма «вы» закрепляется за статусными ситуациями, тогда как «ты» функционирует преимущественно в доверительном общении (*«Матушка Всемилостивейшая Государыня. Твое великодушие и сострадание всегда ходатайствуют о прегрешивших»*). Подобная асимметрия свидетельствует о большей гибкости коммуникативного поведения Екатерины II и более строгой ориентации Потемкина на нормы куртуазного этикета.

Показательной является также различная степень метаязыковой рефлексии. Екатерина II неоднократно оценивает собственное письмо как коммуникативный акт, размышляя о возможностях языка и недостаточности слов для передачи чувств: *«Алфавит короток и литер мало»*; *«Какой [в]здор намарала, самая горячка с бредом, да пусть поедет: авось-либо и ты позабави[шь]ся»*. У Потемкина подобные комментарии отсутствуют, что подтверждает его ориентацию на информативную функцию речи.

Таким образом, прагматическая организация переписки свидетельствует о различии коммуникативных моделей корреспондентов. Екатерина II строит общение преимущественно на основе диалогической, кооперативной и эмоционально ориентированной стратегии, тогда как Г. Потемкин отдает предпочтение информативной и деятельностной модели коммуникации. Однако отметим, что выявленные особенности обусловлены не только гендерной принадлежностью авторов, но и их социальным статусом, спецификой политической деятельности и нормами придворной культуры XVIII века.

5. Соотношение гендерных, статусных и индивидуальных факторов

Полученные данные позволяют поставить вопрос о соотношении различных параметров в формировании языковой личности правителя XVIII века. Анализ эпистолярного наследия Екатерины Второй и Г. А. Потемкина показывает, что речевое поведение корреспондентов не может быть объяснено исключительно гендерной принадлежностью, поскольку в нем одновременно реализуются гендерные, статусные, культурно-исторические и индивидуально-авторские характеристики.

С одной стороны, у Екатерины II отчетливо проявляются типичные характеристики «женского» речевого стиля: эмотивность, диминутивность, диалогичность, развитая система формул вежливости. Так, императрица использует многочисленные аффективные обращения (*«душа моя»*, *«голубчик мой милюша»* и др.), а также открыто вербализует эмоциональные состояния (*«Я тебя люблю чрезвычайно»*, *«…все Гришенька на уме. Я его не люблю, а есть нечто чрезвычайное, для чего слов не сыскано»*). Подобные языковые средства свидетельствуют о стремлении к поддержанию личностного контакта и эмоциональной вовлеченности в коммуникацию. С другой стороны, ее высочайший социальный статус накладывает на эпистолярное поведение определенные ограничения: императрица оперирует категориями государственной целесообразности, использует деловую и военно-политическую лексику в объеме, сопоставимом с корреспонденцией Потемкина, в директивных контекстах прибегает к прямым императивным конструкциям. Императрица свободно переходит от личностного регистра к политическому, что позволяет говорить о сочетании в ее языковой личности коммуникативных моделей частного и государственного общения. Следовательно, статусный фактор не нивелирует, но модифицирует гендерные особенности ее речи.

В идиолекте Потемкина гендерные характеристики оказываются менее выраженными, что отчасти обусловлено нормами куртуазного дискурса XVIII века, требовавшими от мужчины-придворного использования аффективных формул в обращении к монарху-женщине (нормы придворной коммуникации). Однако и в этих условиях сохраняются такие маркеры «мужского» стиля, как лапидарность, событийно-деятельностная ориентация, преобладание деловой и военной лексики, ограниченный репертуар эмотивных средств, что отражает осознание собственной социальной роли и иерархических отношений между адресантом и адресатом. Значительное место в его письмах занимают сообщения о ходе военных действий, организации снабжения армии, дипломатических мероприятиях и государственных поручениях, что обусловливает доминирование информативной функции над экспрессивной.

Особый интерес представляет динамика идиолектов на протяжении более чем двадцатилетней переписки. Материал показывает, что в ранний период (1774-1776) идиолекты сближаются за счет активизации аффективного компонента у обоих корреспондентов (в письмах обоих авторов возрастает доля эмоциональных обращений и средств субъективной оценки). В этот период Г. Потемкин значительно чаще использует интимно-доверительные формулы, тогда как Екатерина Великая экспериментирует с игровыми номинациями и эмоциональной лексикой. А в поздний период (1780-е – начало 1790-х) восстанавливается гендерно маркированная асимметрия, усиливается функциональная дифференциация идиолектов: письма Екатерины сохраняют эмоциональную окраску и обилие гипокористик, тогда как послания Потемкина приобретают все более деловой и лаконичный характер.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что формирование языковой личности представителей правящей элиты XVIII столетия определяется взаимодействием гендерного, статусного и индивидуально-авторского факторов. Гендерная принадлежность оказывает существенное влияние на выбор речевых средств и коммуникативных стратегий, однако характер их реализации во многом зависит от социальной роли адресанта и особенностей историко-культурного контекста. Следовательно, исследование эпистолярного наследия Екатерины II и Г. Потемкина подтверждает необходимость комплексного подхода к изучению языковой личности, исторической лингвоперсонологии и политической лингвистики.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов.

Во-первых, эпистолярное наследие Екатерины II и Г. А. Потемкина представляет собой ценный материал для изучения гендерных особенностей языковой личности политических деятелей XVIII века, поскольку фиксирует одновременно индивидуальные речевые черты и социокультурные нормы эпохи. Во-вторых, на всех трех уровнях языковой личности – вербально-семантическом, лингво-когнитивном и мотивационно-прагматическом – обнаруживаются устойчивые различия идиолектов корреспондентов, в значительной мере соответствующие типологическим характеристикам «женского» и «мужского» речевых стилей, выделенным в современной гендерной лингвистике. В-третьих, идиолект Екатерины II характеризуется развитой системой

эмотивных и аффективных средств, обилием диминутивов и гипокористик, диалогичностью, частотностью смягчающих и метакоммуникативных конструкций, преобладанием антропоморфных и природных метафор. Идиолект Г. А. Потемкина отличается лапидарностью, доминированием деловой и военно-административной лексики, событийно-объективистской концептуализацией времени, преобладанием директивных и репрезентативных речевых актов, более жестко регламентированной системой формул вежливости и подписей.

В-четвертых, гендерные характеристики языковой личности правителя XVIII века обнаруживают сложное взаимодействие со статусным, культурно-историческим и индивидуально-психологическим факторами. Высочайший социальный статус Екатерины II лишь частично нивелирует традиционные гендерные характеристики ее речи; в идиолекте Потемкина гендерные особенности маскируются нормами куртуазного дискурса, но сохраняются в виде системных тенденций.

Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением корпуса материала за счет привлечения эпистолярного наследия других политических деятелей XVIII века (например, Н. И. Панина, А. А. Безбородко, Е. Р. Дашковой), сопоставлением идиолектов Екатерины II в письмах разным адресатам (М. Гримму, Вольтеру, Г. А. Потемкину), а также с применением корпусных методов количественного анализа к более обширным эпистолярным корпусам эпохи. Продуктивным представляется также диахронический аспект – сопоставление гендерных особенностей эпистолярного дискурса XVIII и XIX веков с целью выявления исторической динамики гендерной асимметрии в русской письменной речи.

Материалы исследования | Research materials

1. Екатерина Вторая и Г. А. Потемкин. Личная переписка (1769-1791) / изд. подг. В. С. Лопатин. М.: Наука, 1997. http://az.lib.ru/e/ekaterina_w/text_0030.shtml
2. Елисеева О. И. Григорий Потемкин. Изд-е 4-е. М.: Молодая гвардия, 2022.

Источники | References

1. Алексеев А. Б. О некоторых особенностях влияния политического дискурса на формирование языковой личности политика // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19. № 4. https://doi.org/10.25205/1818-7935-2021-19-4-151-166
2. Анков А. А., Вепрева И. Т., Гаранович М. В., Гриценко Е. С., Данилевская Н. В., Долешаль У., Ерофеева Т. И., Кирилина А. В., Норцева А. А., Обухова И. А., Пермякова Е. Г., Рудакова А. В., Стернин И. А., Сюй Шаньшань, Федорова Л. Л., Черноусова А. С., Черных О. Ю. Гендерные аспекты языка, сознания и коммуникации: коллективная монография / под ред. А. В. Кириллиной, М. В. Гаранович. М.: Языки славянских культур, 2022.
3. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: дисс … д. филол. н. Л., 1984.
4. Горошко Е. И. Языковое сознание: гендерная парадигма: монография. М. – Харьков: ИНЖЭК, 2003.
5. Григорьев В. П. Грамматика идиостиля: В. Хлебников. М.: Наука, 1983.
6. Григорьева Л. Л. Гендерная лингвистика за рубежом и в России: история становления и перспективы развития // Russian Linguistic Bulletin. 2025. № 1 (61). https://doi.org/10.60797/RULB.2025.61.1
7. Григорян А. А. Язык, стереотипы и гендерные исследования: о некоторых тенденциях // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. https://doi.org/10.46726/H.2025.3.10
8. Исина Г. И., Бейсембаева А. У. К проблеме вербальной репрезентации гендерной идентичности (на материале русскоязычных СМИ) // Международный журнал экспериментального образования. 2023. № 2. https://doi.org/10.17513/mjeo.12132
9. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
10. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд-е 7-е. М.: Лучшие компьютерные игры, 2010.
11. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Институт социологии РАН, 1999.
12. Кирилина А. В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации. М.: РОССПЭН, 2005.
13. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация. М.: Диалог-МГУ, 1998.
14. Курьянович А. В. Эпистолярная языковая личность: к вопросу определения категориальных и типологических черт // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4.
15. Лопатин В. С. Письма, без которых история становится мифом // Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка (1769-1791) / изд. подг. В. С. Лопатин. М.: Наука, 1997.
16. Рыбникова Е. Е., Шунков А. В. Языковая репрезентация личности в эпистолярной традиции переходного времени (на материале официальных писем царя Алексея Михайловича) // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 5 (48).
17. Coates J. Women, Men and Language: A Sociolinguistic Account of Gender Differences in Language. 3rd ed. L.: Routledge, 2015. https://doi.org/10.4324/9781315645612
18. Lakoff R. Language and Woman's Place: Text and Commentaries / ed. by M. Bucholtz. Rev. and expanded ed. N. Y.: Oxford University Press, 2004.
19. Tannen D. You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation. N. Y.: William Morrow, 1990.

Информация об авторах | Author information

RU

Ян Хуа[1]
Никитина Алена Юрьевна[2], к. филол. н., доц.
Петрова Ольга Александровна[3], к. филол. н., доц.
[1] Аньхойский университет, г. Хэфэй, Китайская Народная Республика
[2, 3] Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары

EN

Hua Yang[1], Dr
Alena Yurevna Nikitina[2], PhD
Olga Alexandrovna Petrova[3], PhD
[1] Anhui University, Hefei, The People's Republic of China
[2, 3] Chuvash State University, Cheboksary

[1] *yanghua@ahu.edu.cn,* [2] *alyona.nikitina@gmail.com,* [3] *zadumka@mail.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 31.05.2026; опубликовано online (published online): 29.06.2026.

Ключевые слова (keywords): гендерная лингвистика; языковая личность; лингвоперсонология; идиолект; переписка Екатерины Второй и Григория Потемкина; gender linguistics; linguistic personality; linguopersonology; idiolect; correspondence between Catherine II and Grigory Potemkin.